

С. И. Коваленко, Н. А. Кетрару

Стоянки-мастерские верхнего палеолита среднего течения р. Реут

S. I. Covalenco, N. A. Chetraru.

Upper Palaeolithic Industrial Sites in the Middle Reut River Basin.

Rich deposits of chalky flint have been mined in the Reut River valley (Dniester's right tributary) for ages. This activity is proved on several industrial sites dated by Upper Palaeolithic. Two of them – Ciutulești 1 and Bobulești 6 — yielded evidence of specialized production of blanks and export of some blades.

S. I. Covalenco, N. A. Chetraru.

Stațiunile-ateliere din paleoliticul superior de pe cursul de mijloc al r. Răut.

În valea râului Reut, afluentului din partea dreapta al râului Nistru, din adâncă străvechime au fost excavate zăcămintele bogate de silex din perioada cretacică. La cele două din cunoscute stațiuni-ateliere — Bobulești și Ciutulești, sunt strînse dovezile existenței producerii specializate al semifabricatelor din silex și al probabil export de lame.

С. И. Коваленко, Н. А. Кетрару.

Стоянки-мастерские верхнего палеолита среднего течения р. Реут.

В долине р. Реут, правобережного притока Днестра, с глубокой древности разрабатывались богатые месторождения мелового кремня. Подтверждение этого можно найти на нескольких стоянках-мастерских верхнего палеолита. На двух из них — Чулулештах 1 и Бобулештах 6 — собраны свидетельства существования специализированного производства сколов-заготовок и возможного «экспорта» пластин.

Keywords: Upper Palaeolithic, Moldavia, sites-workshops, core knapping, blades for export.

Cuvinte cheie: paleolitic superior, Moldova, stațiunile de tip atelier, tehnica de așchiere, lamele pentru export.

Ключевые слова: верхний палеолит, Молдавия, стоянки-мастерские, техника раскалывания, пластины на экспорт.

На пространстве Карпато-Днестровского региона можно выделить несколько зон повышенной концентрации памятников верхнего палеолита. Одна из них представлена в среднем течении р. Реут между г. Флорешты и с. Проданешты. Благоприятное природно-ландшафтное положение этого участка речной долины и наличие здесь богатых месторождений кремневого сырья издавна влекли сюда первобытных людей.

Стоянки верхнего палеолита Реута долгие годы изучались Н. А. Кетрару (1963; 1965; 1969; 1973; 1995). В его публикациях неоднократно подчеркивалась весомая доля в составе инвентаря этих памятников производственного комплекса, отходов и продуктов кремнеобработки, которые исчислялись тысячами и десятками тысяч. Исходя из этого, сам собой

напрашивался вопрос: являлась ли столь гипертрофированная составляющая кремневого комплекса находок, собранных на многих из этих стоянок, результатом функционирования долговременных поселений или это было следствием утилитарной деятельности на памятниках иного рода? В настоящее время, благодаря дополнительному анализу кремневых коллекций реутских памятников и сравнению их с уже известными памятниками, чей производственный и индустриальный статус определен достаточно точно, мы склоняемся к выводу, что перед нами памятники особого рода, которые в специальной литературе получили название стоянок-мастерских.

Традиционными признаками для выделения стоянок-мастерских обычно считают близость к источникам сырья, его доступность

для разработки, так же как и присутствие на таких памятниках участков, усыпанных отбросами, осколками, обломками и прочими отходами обработки камня. Если первый признак имеет больше вероятностное значение, так как мы можем констатировать лишь близость к месторождениям кремня, а присутствие шахт и подбоев проследить в нашей зоне не представляется пока возможным, то второй признак можно рассматривать как основополагающий. И, действительно, преобладание на каждом из изучаемых памятников *производственного* комплекса по обработке камня над *хозяйственно-бытовым* очевиден. Так или иначе, но масса продуктов обработки камня (кусков и осколков, преформ и нуклеусов, первичных и полупервичных сколов, заготовок-полуфабрикатов) существенно превосходит массу кухонных и бытовых остатков (обломков костей животных, костного и древесного угля, редких орудий труда). Вместе с тем, если рассматривать планиграфическое распределение находок и объектов на некоторых из наших частично раскопанных стоянок-мастерских, то становится явным и то, что участки по обработке камня явно доминируют над местами концентрации остатков бытового мусора и отдельными очагами.

На большинстве реутских памятников, сопоставимых со стоянками-мастерскими, достаточно уверенно можно восстановить весь процесс кремнеобработки, начиная от первичной выбраковки сырья, очистки желваков от корки, подготовки пренуклеусов, последовательного технического переоформления и подправки рабочих плоскостей и отбивных площадок нуклеусов. Однако такого рода реконструкции технологического процесса

возможны и по материалам многих долговременных стоянок. В связи с этим мы считаем важным акцентировать внимание именно на начальных этапах техники первичной обработки кремня и выяснении того, не являлась ли эта первичная обработка определяющим фактором в производственном процессе, не являлась ли она *доминантой всего технологического процесса*. Если в коллекциях рассматриваемых памятников выделяются устойчивые серии преформ и нуклеусов, технических сколов и заготовок-полуфабрикатов, а число последних в десятки раз превосходит число изделий со вторичной обработкой, то можно констатировать, что основной целью производства было получение заготовок-полуфабрикатов, а не готовых орудий. А это означает, что столь выраженная производственная ориентация стоянок на чрезмерную первичную обработку кремня должна найти отражение и в названии самих памятников.

Еще более тонким индикатором, позволяющим распознавать памятники, в которых производственная составляющая по выработке заготовок для орудий, но не самих орудий, является определяющей, можно считать выделение в составе инвентаря так называемого «пропуска». Под последним подразумевается отсутствие или слабая представительность той категории инвентаря, которая преимущественно «заготавливалась», и ради которой выстраивалась, как предполагается, вся цепочка производственного процесса. Данный критерий имеет явно оценочный характер, но может быть использован для уточнения статуса той или иной стоянки, при условии, что инвентарь с этой стоянки достаточно многочислен и не имеет инородных включений. Для реутских памятников этот показатель оказался приемлемым в двух случаях.

Исходя из сказанного, к стоянкам-мастерским в среднем течении р. Реут, по нашему мнению, можно отнести такие памятники, как Чутулешты 1, Бобулешты 6, Рогожаны 8 и 2/5 (рис. 1). Топографически они разделяются на два типа. К первому относятся памятники, приуроченные к верхней части каньонообразной долины реки, которая глубоко врежется в песчано-глинистые и карбонатные отложения нижнего сармата на глубину до 100 м. Их положение по краю плато обусловило переотложенность практически всех остатков жизнедеятельности первобытного человека и полную утрату каких-либо органических материалов. На стоянках-мастерских Рогожаны 8 и 2/5 все находки фиксируются во «взвешенном состоянии» и приурочены к размываемой кровле серовато-желтых суглинков. Отличительной

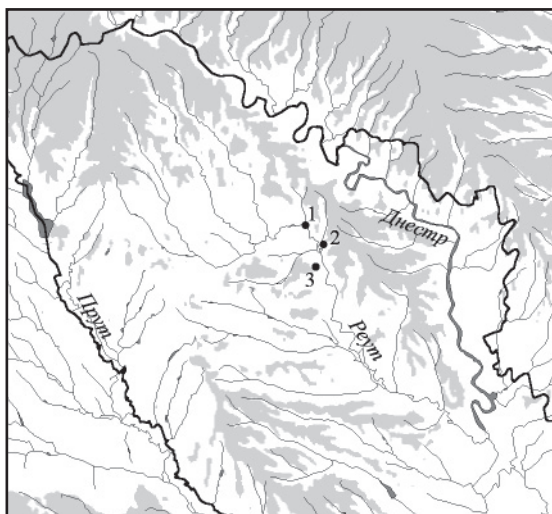

Рис. 1. Местоположение стоянок-мастерских на Реуте: 1 — Бобулешты 6; 2 — Рогожаны 8 и 2/5; 3 — Чутулешты 1.

особенностью этого типа памятников является значительное пространственное рассредоточение кремневого материала в виде узкой полосы вдоль кромки плато на протяжении от 0,3 до 1 км. Такого вида рассеивание материала наблюдалось нами и на днестровской стоянке-мастерской у с. Грушка Каменского района.

К стоянкам-мастерским другого типа, расположенным в самой долине Реута, относятся памятники Бобулешты 6 и Чутулешты 1. Первый из них выявлен на низкой надпойменной террасе, приуроченной к широкому мысу, образованному речной излучиной. Второй приурочен к узкой невысокой выположенной площадке, подмываемой рекой и прислоненной к склону более высокой террасы. Характер размещения археологического материала на них свидетельствует о лучших условиях консервации в составе культурного слоя, в одном случае даже с сохранением органических остатков и очагов.

Вне зависимости от положения стоянок-мастерских на местности, их связь с близлежащими выходами мелового кремня не вызывает сомнений. По своим свойствам кремневый материал с месторождений сырья и прилегающих к ним памятников практически идентичен. Вместе с тем разработка сходных по своему расположению залежей желвачного сырья заметно снижала разнообразие используемого кремня. В основном он представлен серой полупрозрачной меловой породой светлой и темной тональности, в виде исключения рыжеватого оттенка. Источником сырья, главным образом, служили обнажения на склонах глубокой долины Реута, в верхней части обрывистых, часто с обвалами, осыпями, камнепадами и карстом, под которыми и сейчас встречаются крупные конкреции до 10–15 и более сантиметров в поперечнике. Более того, удалось установить, что часть сырья в виде довольно больших валунов вымывалась рекой из коренных меловых отложений в русле Реута. Это можно наблюдать, к примеру, в 600–700 метрах к западу от стоянки-мастерской Бобулешты 6 (Chetaru 1995: 143–145), в том месте, где река, обогнув бобулештский полуостров, резко поворачивает к югу.

В нашем распоряжении имеются не самые лучшие по своим техническим качествам желваки, но судя по сверхкрупным отщепам длиной более 10 см, они могли быть достаточно объемными, при относительно низком содержании каверн. В целом отдавалось предпочтение крупным кубовидным конкрециям, которые получали предварительную оббивку еще на этапе поиска и сбора сырья. Размеры со-

хранившихся желваков варьируют от мелких, длина которых не превышает 8 см, до весьма крупных в 22 см. Состояние их поверхности бывает различной, но доминирует бугристо-шишковидная фактура с неглубокими кавернами. Лишь в крупных конкрециях заметны пальчатые каверны до 5 см. Это существенное отличие от желвачного кремня с Днестра дополняется крайне слабым развитием корочного покрытия, толщина которого не превышает 3 мм.

Исключительно на стоянке-мастерской Чутулешты 1 встречается плитчатая разновидность кремня. Его немного и представлен он лишь редкими обломками, нуклеусами и сколами. Особенность такого кремня связана с разнообразными по цветовой гамме прожилками в составе светло-серой породы. Чаще можно наблюдать прожилки темно-серого и черного цвета. Тональность цветных прожилок может меняться в зависимости от освещения от голубого до светло-синего, от бледно-розового до красноватого и рыжего¹. Корка у плитчатых образцов варьирует по толщине от 0,5 до 5 мм, а её цвет приближается к бежевому. Толщина самого крупного фрагмента составляет 3,5 см. Промер остальных показал относительно стабильную толщину в 2,5 см. По аналогии с днестровским плитчатым кремнем с петельчатой текстурой, реутский аналог также может иметь пластовое происхождение. Выходы плитчатого кремня на Днестре обнаружены на ограниченной территории (Перес 1964: 78), а на Реуте пока неизвестны, но предположительно были доступны в период функционирования чутулештской стоянки-мастерской.

И, наконец, нельзя не упомянуть о галечном кремне. В нашем распоряжении имеются редкие фрагменты галек. Распознать принадлежность к галечному кремню других находок не представляется корректным. Сглаженность поверхности галечных изделий нельзя считать свойством исключительно этой породы. На желвачном сырье Реута можно наблюдать такую же очаговую сглаженность. По этому признаку гальки из реутских памятников, вероятно, происходят из аллювиальных отложений террас, являясь продуктом переработки все того же желвачного сырья.

Местный кремень, будь то крупные желваки, плитки или редкие гальки, отличается

¹ Вопрос о пестроцветности кремня до конца не выяснен. Для плитчатой его разновидности это определяющий факт. Но это не означает, что в виде исключения разноцветные прожилки не могут встречаться и на обычном желвачном кремне из конкреций.

однородной структурой и высокими пластичными свойствами. По этим характеристикам он не уступает лучшим образцам днестровского кремня. В то же время обилие сырья не требовало соблюдения жестких ограничений по его экономии, что во многом предопределяло экстенсивный способ раскалывания. В рамках избранной стратегии по первичной обработке кремня особо важное значение приобрело получение заготовок-полуфабрикатов, а не готовых орудий. При рассмотрении этого аспекта производственного процесса обратим внимание на две наиболее известные стоянки-мастерские, такие как Чутулешты 1 и Бобулешты 6, материалы которых получены в ходе раскопок, в последнем случае существенно дополненных сборами с поверхности.

В Бобулештах 6 из 12257 кремневых находок выделено 178 изделий со вторичной обработкой, составляющих 1,45 % от всей коллекции. Этот несколько «завышенный» процент, казалось бы, делает его использование в качестве определяющего показателя не столь приемлемым, тем более, что из числа изделий с преднамеренной обработкой были исключены многочисленные зубчато-выемчатые формы, пластины и отщепы с ретушью утилизации и естественно сбитой кромкой (Кетрару 1995: 153). Но мы не должны забывать, что большая часть орудий происходит из поверхностных сборов, а значит, не исключена вероятность их первоочередного отбора при комплектации коллекции. Вместе с тем бобулештский показатель является заметно более низким, в сравнении с теми, что мы можем наблюдать на обычных долговременных стоянках, на которых также активно обрабатывался кремень. Так, на молодых памятниках число такого рода изделий составляет в пределах 2,9–6,0 % от всех кремней¹ (пересчет сделан по данным из работ — Черньш 1987: 84–85, табл. 2; 1977: 89–90, табл. 5; 1982: 67–68, табл. 2), а на стоянках Рашков 7 — 6,2 % (Кетрару, Григорьева, Коваленко 2007: 57, 62, табл. 8, 10), Костешты 1 — 2,7 % (Григорьева, Кетрару 1983: 69,72–81), Климауцах 2/1 — 3,4 % (Borziac, Chirica, David 2007: 69–75). Возможны возражения, что на косоуцкой стоянке этот показатель аналогичен бобулештскому или даже ниже² (Борзияк, Коваленко 1989: 23, 25, табл. 2, 3; 1990: 9–12; 1992а:

12–20; 1992б: 55, 56, табл. 1,2), но никто до сих пор не высказывался о ней как стоянке-мастерской. Но данный памятник является многократно посещаемым сезонным стойбищем со своей спецификой, где помимо активной поделки северных оленей и утилизации продуктов охоты, производилась интенсивная обработка местного легкодоступного кремня. Безусловно, в Косоуцах мы имеем дело с локальными мастерскими и местами по целенаправленному производству сколов-заготовок и самих орудий на территории самих стойбищ, при непродолжительном их функционировании. По этой причине желательно разграничить такие понятия, как стоянки-мастерские, представленные памятниками долговременного характера, где технологический процесс был ориентирован преимущественно на получение заготовок, и сезонные стоянки со специализированными участками по обработке кремня и изготовлению орудий на их территории. Среди долговременных поселений стоянками-мастерскими в нашем регионе можно назвать те памятники, чей показатель преднамеренно подготовленных орудий не превышает 2 %, а в случае, если он меньше 0,7 %, то оправданно уже привлечение другого термина — мастерская-стоянка или собственно мастерская.

Несколько реже используется другой диагностический показатель, основанный на соотношении нуклеусов и орудий в составе инвентаря. Данное противопоставление позволяет обозначить баланс между первичной обработкой кремня и орудийной деятельностью. Мы не склонны абсолютизировать этот показатель, так как его проявление по ряду причин может быть завуалированным. В Бобулештах 6, где отмечено 202 нуклеуса и 178 изделий со вторичной обработкой, такого рода соотношение дает индекс 1,1. Учитывая, что на большинстве молодых памятников он соответствует 0,5–0,8, в Рашкове 7 — 0,8, в Климауцах 2/1 — 1, а по опубликованным материалам из Косоуц — 0,9, мы допускаем, что пороговую величину между стоянками как таковыми и стоянками-мастерскими можно установить на уровне 1. Это значит, что превышение этого показателя свидетельствует о производственной ориентации памятника, а его меньшее значение о хозяйственно-бытовой специфике.

Если связь Бобулешт 6 со стоянками-мастерскими требует дополнительного подтверждения, по той причине, что он близок к грани, разделяющей обычные стоянки и стоянки-мастерские, то другой реутский памятник — Чутулешты 1 — во многом близок к рубежу между стоянками-мастерскими и

¹ На стоянках Молодова 5 в слое 2 — 4,5 %, 3 — 2,9, 4 — 4,9 %, 5 — 4,9 %, 6 — 3,8 %, 7 — 3,7 %, 8 — 6 %, Молодова 1 в слое 1 — 3,1 %, 2 — 3,7 %; Кормань 4 в слое 2 — 3,4 %, 3 — 4,2 %, 4 — 4,7 %.

² Для слоя 1 — 1,3 %, 2 — 1,9 %, ЗБ — 1 %, 3 — 1,4 %.

собственно мастерскими. Не исключено, что в дальнейшем его можно будет интерпретировать как мастерскую-стоянку, еще более акцентировав внимание на его производственной составляющей и ориентации на первичное раскалывание кремня.

В чулулештской коллекции, представленной 26951 кремневой находкой, выделено 204 орудия, которые составляют всего 0,76 % от всего комплекса. Такой низкий показатель присутствия изделий со вторичной обработкой в составе инвентаря зафиксирован в слое 4 стоянки Корпач, что позволило авторам раскопок, не без оснований, интерпретировать его «как мастерскую для изготовления орудий — от первичной обработки кремневых желваков до получения готовых изделий» (Борзьяк, Григорьева, Кетрару 1981: 84; Григорьева 1983: 26). Показатель в 0,96 % получен для 8–9 горизонтов известной мастерской Калитвенка 1 (Матюхин 1987: 84–86). По другому показателю, соотношению нуклеусов с преднамеренно подготовленными орудиями, Чулулешты 1 также напоминают мастерскую. Этот показатель равен 2,9. В уже упомянутой Калитвенке 1 он составляет 3,4.

Рассмотрение производственного процесса на обоих памятниках дает возможность говорить о *полном цикле* кремнеобработки в Бобулештах 6 и Чулулештах 1. При этом нас не должно смущать малое число артефактов, документирующих *начальный этап*, связанный с поиском и первичной выбраковкой сырья, когда осуществлялось его освидетельствование. На место, где производилось его полноценное раскалывание, приносились уже специально подобранные кремневые конкреции, на которых обязательно имелся хотя бы один пробный скол. Как правило, они представляли собой крупные кубовидные или продолговатые желваки, которые в дальнейшем превращались в пренуклеусы, посредством очистки от корки и обозначения одним сильным ударом будущей отбивной площадки. Снятие корочного покрытия и выравнивание рельефа поверхности расщепления неминуемо вело к получению массы первичных сколов. Вместе с полупервичными сколами, они в коллекциях обоих памятников составляют почти 40 %. В этом отношении показательны наиболее крупные сколы, которые в поперечнике превышают 7 см. Они, несомненно, являлись результатом преимущественно начальной стадии обработки кремня, т. е. не тем продуктом, ради которого велось раскалывание. Среди них число сколов с корочным покрытием превышает 60 %, достигая в Чулулештах 80 %. При этом остальные сверхкрупные отщепы

демонстрируют на дорсальной поверхности следы от предварительной еще не определенной системы снятия, что позволяет их приравнять к техническим сколам.

На *рабочей стадии* раскалывания нуклеусов доминантное положение занимает призматическая и плоскостная техника раскалывания, ориентированная на получение заготовок-полуфабрикатов крупных и отчасти средних размеров. Отщепы от 4 до 6 см в поперечнике имеют здесь наиболее правильную огранку и пропорции, а пластины шириной 2–3 см — наиболее правильные очертания. Именно из этих разновидностей сколов отбирались заготовки для немногочисленных орудий. В коллекции Чулулешт 1 основное число орудий изготовлено из пластин средних и крупных размеров (коэффициент встречаемости 26,5 и 20,5 соответственно), а также отщепов крупных размеров (13). Не вызывает сомнений, что большая часть использованных сколов-заготовок получена с правильно огранных нуклеусов, которые, казалось бы, теряются среди массы грубопризматических ядрищ⁴. По всей видимости, профилирующими типами нуклеусов были удлиненные одноплощадочные формы с сильно скошенной отбивной площадкой и узким выпуклым рабочим фронтом, охватывающим до 1/3 периметра изделия. Но более выразительны двуплощадочные нуклеусы со встречным или противоположным скалыванием. Они отличаются лучшей огранкой, свидетельствующей о скалывании исключительно пластин, часто на всю длину рабочего фронта, с двух равноценных полюсных площадок. На таких нуклеусах заметно использование подновления и редуцирования ударных площадок, также как и приема создания выпуклости рельефа рабочей поверхности посредством подготовки и удаления реберчатых и ребристых сколов. По этой причине количество технических сколов в коллекциях рассматриваемых памятников достаточно велико.

О *завершающей стадии* расщепления мы можем судить по остаточным нуклеусам, многочисленным (до 1/2) в Бобулештах 6 и менее представительным (до 1/4) в Чулулештах 1. Среди них достаточно много бракованных форм, укороченных экземпляров и образцов с правильной огранкой рабочего фронта. Судя по негативам сколов на поверхностях большинства предельно сработанных нуклеусов, практиковалось снятие главным образом небольших пластин. Это последнее наблюдение для нас особенно важно, в связи с тем, что оно позволяет судить о приоритетах в технике раскалывания, его сугубо пластинчатом характе-

ре. Но возникает вопрос, а как тогда объяснить присутствие большого числа мелких отщепов, к примеру, в коллекции Чутулешт 1, где они составляют почти $\frac{1}{4}$ часть. При внимательном осмотре этой категории находок можно убедиться, что в массе своей они напоминают отходы кремнеобработки, а не полноценные сколы-заготовки. Многие из них получены не специально, а в процессе отделки рабочего фронта нуклеусов. Часть является обломками от более крупных отщепов. Есть среди них и морозобойные сколы.

А теперь остановимся на выявлении возможных случаев «пропуска» в составе инвентаря, указывающих на специализированный характер кремнеобрабатывающего производства. В разной степени он проявился на двух из наших реутских стоянок-мастерских. Вначале обратим внимание на Чутулешты 1. Как было установлено, подавляющая часть нуклеусов с этого памятника была предназначена для производства пластин, о чём свидетельствуют негативы сколов на рабочих поверхностях. Но в самой коллекции мы находим относительно небольшое число пластин, часто с невыразительной огранкой спинки. Их процент лишь ненамного превосходит пятую часть от общего числа изделий, в то время как доля отщепов превышает 60 %. Если при этом принять рекомендации некоторых наших специалистов-технологов (Гирия 2000: 99–100) и в расчетах использовать лишь чис-

ло целых, проксимальных или дистальных частей пластин¹, то контраст становится еще более зримым. В этом случае доля пластин в коллекции уменьшается до 11,1 %, то есть оказывается, что на каждую пластину приходится около 6 отщепов. Учитывая, что техника призматического скалывания, доминирующая в Чутулештах и ориентированная на производство пластин, не могла иметь столь низкий коэффициент полезного действия, мы задаемся вопросом, а не может ли это быть указанием на факт «пропуска» в подразделении кремневой индустрии. В данном случае «пропуск» заметен по непропорционально низкому числу пластинчатых сколов, приоритетное производство которых, казалось бы, должно диктоваться самим процессом расщепления, а также очень низкому проценту целых правильно ограненных пластин. Если это так, то нельзя исключить возможность преднамеренного изъятия «недостающих» в чутулештской коллекции пластин. Еще более показателен процент присутствия пластин в составе инвентаря Бобулешт 6. В целом по всем пластинчатым сколам он составляет 8,2 % от всей коллекции, а по выборке из целых и проксимальных концов он равен всего 3,8 %. Не исключено, по крайней мере, в последнем случае, что перед нами аналог «экспортного» производства, функционирование которого было возможно на стоянке-мастерской.

Литература

- Борзьяк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А. 1981. *Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Борзьяк И. А., Коваленко С. И. 1989. Поселение слоя I многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В: Кетрару Н. А. (ред.). *АИМ в 1984 г.*, 16–32.
- Борзьяк И. А., Коваленко С. И. 1990. Исследование второго культурного слоя многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В: Кетрару Н. А. (ред.). *АИМ в 1985 г.*, 3–23.
- Борзьяк И. А., Коваленко С. И. 1992а. Исследование слоя 3Б многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В: Кетрару Н. А. (ред.). *АИМ в 1986 г.*, 3–28.
- Борзьяк И. А., Коваленко С. И. 1992б. Поселение слоя 3 стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В: Гросу В. И. (ред.). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы*. Кишинев: Штиинца, 48–69.
- Гирия Е. Ю. 2000. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Висла Балка в Донбассе: технологический анализ пластинчатых сколов. *АА 9*, 99–112.
- Григорьева Г. В. 1983. Многослойная палеолитическая стоянка Корпач в Молдавии. В: Крижевская Л. Я. (ред.). *Изыскания по мезолиту и неолиту СССР*. Ленинград: Наука, 18–27.
- Кетрару Н. А. 1963. Первоначальное заселение долины р. Реут. *Труды III конференции молодых ученых*, 3. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 81–82.
- Кетрару Н. А. 1965. Палеолитическая стоянка Чутулешты 1. *Известия АН МССР (серия общественных наук)* (12), 53–61.
- Кетрару Н. А. 1969. Палеолитические и мезолитические местонахождения в бассейне р. Реут. В: Аксюк А. (ред.). *Антропоген Молдавии*. Кишинев: РИО АН МССР, 24–88.
- Кетрару Н. А. 1973. *Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР*. 1. Кишинев: Штиинца.
- Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И. 2007. *Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII*. Кишинев: Business-Elita.
- Матюхин А. Е. 1987. Палеолитическая мастерская Калитвенка I. *КСИА* 189, 83–88.

¹При технологическом анализе целесообразно отказаться от практики суммарного подсчета числа пластинчатых сколов и исключить медиальные части, проксимальные или дистальные концы, в зависимости от их числа.

№1. 2010

- Перес Ф. С. 1964. Кремнистые образования из меловых отложений северо-восточной части Молдавской ССР. *Материалы по геологии и полезным ископаемым Молдавии*. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 75–86.
- Черныш А. П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и её место в палеолите. В: Горецкий Г. И., Цейтлин С. М. (ред.). *Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV*. Москва: Наука, 7–77.
- Черныш А. П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I. В: Горецкий Г. И., Иванова И. К. (ред.). *Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре*. Москва: Наука, 6–102.
- Черныш А. П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология. В: Иванова И. К., Цейтлин С. М. (ред.). *Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда*. Москва: Наука, 7–93.
- Borziac I., Chirica V., David A. 2007. *L'aurignacien moyen et tardif de l'espace Carpatique-Dniestreen. Le gisement Climăuți II*. Iași: B.A.I.
- Chetragu N. 1995. Bobulești – o stațiune de la începutul paleoliticul superior în Moldova. В: Raileanu N. (red.). *Anuarul II – Muzeul național de istorie a Moldovei*. Chișinău, 139–172.

Статья поступила в номер 20 ноября 2009 г.

Serghei Covalenco (Kishinev, Moldova). Doctor of history. Cultural Heritage Institute, Moldova Academy of Sciences.

Serghei Covalenco (Chișinău, Moldova). Doctor în istorie. Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei.

Коваленко Сергей Иванович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Республики Молдова.

E-mail: covalenco@bk.ru.

Nicolae Chetragu (Kishinev, Moldova). Doctor of history. Moldova National Museum of Archaeology and History.

Nicolae Chetragu (Chișinău, Moldova). Doctor în istorie. Muzeul național de arheologie și istorie a Moldovei.

Кетрагу Николай Антонович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Национальный музей археологии и истории Республики Молдова.